

Большое переустройство Призрачного рынка всколыхало здешние края. С подачи Люцзиня, ставшего начинщиком этой грандиозной затеи, работа наконец-то закипела. И вполне естественно, что в первый же день Яньгу отправил его лично приглядывать за ходом дела.

Начать решили с самых северных окраин, раскинувшихся у подножия Восемнадцати слоев ада. Тамашний рынок был крошечным — идеальный полигон для первой пробы. Сметливые души, согнанные вчера на работы, по указанию Люцзиня сперва сколотили временные бараки для местных обитателей, и лишь после этого взялись за дело.

За десятника определили крепкого призрака лет сорока с лицом, заплывшим суровым жирком — видать, при жизни с ним шутки были плохи. Хотя в Дифу отродясь не водилось зноя, Люцзинь всё же предпочёл укрыться от навязчивого замогильного сияния под раскидистой кроной дерева. Заметив, что судья устроился в тени, десятник поспешил к нему со всей подобающей учтивостью.

— Судья, как быть с лачугами здешних обывателей? Крушить подчистую?

Жилища эти давно отжили свой век. Даже если они не рухнут сегодня, то непременно похоронят кого-нибудь под обломками завтра. Коль скоро взялись за реформу, то мелочиться не следовало.

— Снесите всё, что дышит на ладан, — распорядился Люцзинь. — Безопасны они на первый взгляд или нет — без разницы. Сравняйте старьё с землей и отстройте заново. Расходы на материалы покроет казна Дворца Яньло.

Бесплатная изба взамен ветхой лачуги — от такого щедрого посула не откажется ни одна, даже самая прижимистая душа.

— Будет исполнено, господин судья! Вмиг всё им растолкую, — расплылся в улыбке десятник.

Люцзинь лениво наблюдал, как тот препирается с толпой местных, то и дело косясь на дерево. Сразу стало ясно: судейское слово передали дословно. Из-за близости к Восемнадцати слоям ада до слуха то и дело доносились истошные вопли грешников, претерпевающих муки на дыбе. Люцзинь уже прикидывал, под каким бы предлогом улизнуть от этой скуки, как вдруг из тумана выплыли два знакомых силуэта — один в белом, другой в чёрном.

К нему неторопливо приближались Се Биань и Фань Уцзю.

— Какими судьбами? — обрадовался Люцзинь. — Неужто Яньгу спохватился и велел меня воротить?

Визит стражей пришёлся как нельзя кстати. Хотя затея с перестройкой и принадлежала самому Люцзиню, это вовсе не означало, что он жаждал самолично торчать здесь и дышать

кладбищенской пылью.

Фань Уцзю ухмыльнулся:

— Господин судья, если уж решили улизнуть, не надо прикрываться именем Владыки. Ваше нетерпение за версту видно.

Се Биань, напротив, сосредоточенно созерцал копошащуюся вдали толпу работников. Помолчав, он негромко промолвил:

— Пятьсот лет... Пятьсот долгих лет Город Фэнду пребывал в застое. Наконец-то он высвободится из оцепенения.

Люцзинь давно гадал, почему Яньгу, будучи сторонником перемен, так долго не решался на этот шаг.

— Я и сам замечал, что Владыка не прочь перетряхнуть здешние порядки, — задумчиво произнес он. — Отчего же реформа спала беспробудным сном столько веков?

— Подземное царство держит в узде души всего сущего, — принялся терпеливо объяснять Се Биань. — Забот у нас — не приведи небожители. Пока в мире смертных царит покой, мы ещё можем вздохнуть свободно. Но стоит вспыхнуть смуте наверху — бездна разверзается и под нами. Пять веков назад грянула великая война богов и демонов. В том пламени сгорел и прежний Сын Хоуту — наш повелитель Янь-ван. Владыка покинул нас, вознесясь в небытие, и царство мертвых на долгие годы осталось без законного правителя. Все дела — и малые, и великие — тяжким бременем легли на плечи тогдашних судей.

Люцзинь слушал, затаив дыхание. Оказывается, Город Фэнду пережил столь сокрушительное потрясение, а он и ведать не ведал.

— Выходит, Яньгу взошел на престол много позже? — сопоставив факты, спросил он.

Се Биань кивнул:

— Владыка Яньгу явился внезапно. У него на руках было повеление самого Великого императора Восточного пика. Вступив в права, он железной рукой принялся выжигать анархию, сожравшую Фэнду за десятилетия безвластия. Лишь благодаря его терпению и стальной воле мы со временем обрели этот хрупкий мир.

Се Биань, знавший Яньгу гораздо дольше и ближе, предпочёл не вдаваться в излишние подробности. Люцзиню об этом знать пока было ни к чему.

«Неужто Яньгу чужак в этих краях?» — у Люцзиня зачесался язык выпросить больше.

— Пойдите, хотите сказать, даже старожилам Дифу неведомо, откуда прибыл Владыка?

Рядом с Яньгу постоянно вертелся Хухэ — лис-небожитель из благородного рода. А связь с подобными сущностями явно указывала на то, что корни у повелителя мертвых уходят куда выше, чем в сырую землю могил.

— Мы не допытывались, — лениво отозвался Фань Уцзю. — Владыка радеет за Дифу душой и телом. Какая разница, откуда он явился? Пока он восседает на троне, остальное — пустая суета.

«А если в один прекрасный день он решит уйти?..» — от этой внезапной мысли у Люцзиня тоскливо сжалось сердце. Он прикрыл глаза, гоня прочь непрошеное наваждение.

— Хотя у нас на руках есть бумага, дающая вольную на переустройство, Владыке всё равно пришлось лично отправиться к Великому императору Восточного пика с подробным докладом, — добавил Се Биань, с любопытством разглядывая притихшего судью. Люцзинь мелко затрепетал ресницами, выдавая внутреннее смутнение, но какие думы роились в его голове, оставалось загадкой.

Вот оно что! Значит, именно поэтому Яньгу не было в тереме прошлой ночью.

— И как? Великий император не станет чинить препятствий? — с лёгкой тревогой спросил Люцзинь. Всё-таки затеянный передел — дело нешуточное.

Се Биань покачал головой:

— Исключено.

Впрочем, будь иначе, Яньгу не дал бы отмашку начинать работы. И всё же... кем на самом деле был его таинственный господин? Ответит ли он, если спросить напрямик? Люцзинь до боли в пальцах подавил глупую, отчаянную потребность бросить всё, разыскать Владыку и засыпать его вопросами.

Чтобы сбросить наваждение, он поспешно сменил тему:

— Думаю, на всю перестройку у нас уйдет не меньше полугода, а то и год.

— И то верно, — согласился Се Биань. — Лес и камни у нас есть, рабочих рук в Дифу хватает с избытком, но распутать клубок вековых дрызг на рынках — задача не из лёгких. Год — это ещё самый оптимистичный расклад.

— Переполох выйдет знатный, — хмыкнул Фань Уцзю. — Уверен, мы откопаем немало скелетов в здешних шкафах. Уж очень хочется поглядеть, как преобразится наш старый добрый Фэнду.

— Ладно, работяги и без нас справятся, — оживился Люцзинь. — Раз уж мы всё равно маемся без дела, не пропустить ли нам по чарочке?

Фань Уцзю тут же сделал стойку, подавшись вперёд:

— Неужто господин судья угощает?

Люцзинь вальяжно махнул рукой:

— Идём, наливаю до краёв, пока не зальёшь за воротник.

Чёрный страж, чья страсть к хмельному была притчей во языцех, при призыве «до краёв» мгновенно позабыл обо всём на свете. Схватив ошарашенного Люцзиня под локоть, он увлек его за собой чуть ли не бегом. Се Биань лишь сокрушённо вздохнул и двинулся следом.

Минуя Город напрасно умерших, они услышали доносящееся из-за стен тягучее буддийское песнопение — сам Бодхисаттва Кшитигарбха читал там сутры. Люцзинь бросил короткий взгляд на наглухо запёртые ворота обители скорби, но задерживаться не стал.

Вернувшись на Призрачный рынок, троица напрямик направилась в «Истинный аромат трупа». Это заведение давно превратилось в их излюбленное прибежище — шутка ли, здешняя стряпня и вино почитались лучшими во всём подземном мире.

Едва опустив кости на лавку, Фань Уцзю даже не взглянул на закуски, а сразу потребовал два кувшина покрепче. Трактирщик, завидев эту неразлучную компанию, скорчил кислую мину, но перечить не посмел и поплелся в погреб.

Люцзинь прекрасно понимал причину его недовольства: бедняга смертно боялся, что прожорливые завсегдатаи осушат все его запасы до капли.

И точно, водрузив кувшины на стол, хозяин осторожно поинтересовался:

— И какова же цель почтенных господ на сей раз? До лёгкого тумана в голове или до беспамятства?

Фань Уцзю, парень простодушный и не привыкший забивать голову чепухой, так прямо и рубанул:

— Судья пообещал, что я смогу пить, пока не лопну!

Трактирщик тут же перевел на Люцзиня полный невыразимой скорби взгляд.

Под этим немым укором Люцзинь малость устыдился собственной щедрости. Почесав кончик носа, он малодушно устался в деревянную столешницу, избегая встречаться с хозяином глазами.

Подметив это безмолвное противостояние, Се Биань ласково потрепал напарника по макушке и негромко охладил его пыл:

— Нам ещё сегодня души собирать. Знай меру.

В глазах измученного трактирщика Белый страж мгновенно вознесся в ранг спасителя. Фань Уцзю хоть и скривился от досады, перечить названому брату не посмел. Придвинув к себе вожаделенную посуду, он проворчал:

— Твоя правда. Обойдусь двумя кувшинами. Но чур, судья, ты к ним не прикасаешься! Всё моё!

Люцзинь лишь усмехнулся. Даже если бы в нём и проснулась жажда, после таких собственнических заявлений тянуть руку к чужой чарке было бы верхом неприличия.

— А если начистоту, господин судья, — Фань Уцзю щедро плеснул вина в пиалу Се Бианя, обделив хозяина стола, — ваша задумка с перестройкой — дело благое. Настоящий подвиг на благо Дифу.

Се Биань чинно принял подношение и осушил чашу одним махом.

— Был у меня и свой корыстный интерес, — признался Люцзинь, подперев щеку рукой. — Не знаю, каково ветеранам здешних мест, а я, едва представившись, знатно струхнул. Представьте: выходишь глубокой ночью из спальни по нужде, а мимо тебя бесшумно плывёт полупрозрачная образина. Вроде и сам уже мертвец, а поджилки всё равно трясутся.

Фань Уцзю, шумно прихлебывая прямо из горлышка, согласно закивал:

— О да! Я в первые дни после кончины вообще с перепугу драку затеял с какими-то бродячими тенями. Думал, нападают.

Оно и понятно — человеческому разуму требуется время, чтобы свыкнуться с бесплотным существованием. Осознание смерти редко приходит мгновенно.

— И давно вы двое несете службу в Городе Фэнду? — спросил Люцзинь. Коль скоро они помнили битву небожителей с демонами пятивековой давности, то корни их здесь пустили глубоко.

Чёрный страж шумно рыгнул, прижав ладонь к груди:

— Сколько?.. Да целую вечность, пожалуй.

С тех пор как они надели траурные одежды стражей Непостоянства, ход времени потерял для них всякий смысл. Зачем вести счет годам в мире, где каждый новый рассвет ничем не отличается от предыдущего, а служба длится до скончания времен?

— Куда интереснее ты сам, судья, — Фань Уцзю прищурился. — Впрягся в эту великую перестройку, а как же твоя поездка в мир живых? Боюсь, теперь тебе долго не видать белого света.

Люцзинь обреченно вздохнул. Пост обязывает — порой долг связывает по рукам и ногам крепче любых цепей.

— Придется обождать, — уныло проговорил он. — Вот наведем мало-мальски порядок, тогда и тронусь в путь. Своё прошлое я обязан раскопать, чего бы мне это ни стоило.

Похоже, его тайная мечта — отправиться в мир живых под руку с Яньгу — так и останется несбыточной грезой. Не могут же правитель подземного мира и его верный судья одновременно бросить дела и умчаться развлекаться, оставив Фэнду на произвол судьбы.

Се Биань, доселе лишь молча пригубливавший вино, негромко заметил:

— К чему это упорство, Люцзинь? Почему бы просто не отпустить прошлое? Так ли важно знать, кем ты был? Даже если у тебя оставались близкие... за шестьдесят лет они наверняка превратились в прах.

Разумные слова. Но Белый страж не знал главного: Люцзиня грызло не просто любопытство. Его не покидало смутное, изводящее душу предчувствие, будто он позабыл нечто невероятно важное — то, без чего его нынешнее существование казалось лишенным фундамента.

Заметив, как помрачнел судья, Фань Уцзю решил, что брат перегнул палку с нравоучениями, и поспешил сгладить углы:

— Да пускай себе разузнает! Зато потом со спокойной душой вернется обратно. Город Фэнду-то никуда не денется, здесь твой дом.

Люцзинь глубоко вдохнул, справляясь с грустью, и поднялся со скамьи:

— Ладно, заболтался я с вами. Вам ведь ещё встречать новую отару неприкаянных душ, не стану отвлекать.

Стражи тоже поднялись.

— Ерунда, пара минут погоды не сделает, — отмахнулся Чёрный страж.

— И всё же бережёного боги берегут, — наставительно заметил Люцзинь, направляясь к выходу. — Потерять хоть одну неприкаянную душу — хлопот потом не оберёшься.

— Обижаешь, господин судья! — ухмыльнулся Фань Уцзю, шагая следом. — Сколько веков служим, а из наших рук ещё ни одна тень не выскользнула.

Троица неспешно зашагала в сторону Моста Беспомощности.

— Неужто не заглянете во Дворец Яньло? — поинтересовался Се Биань, поравнявшись с ним.

— Там сейчас и без меня справятся. Лучше навещу матушку Мэн.

Фань Уцзю заговорщически подмигнул:

— И кого же вы там надеетесь встретить — почтенную старушку или юную Чжиюэ? Поговаривают, наш господин судья никак не выберет, чьё сердце пленить — самого Владыки, господина Хухэ или красавицы Чжиюэ?

Люцзинь со стоном прижал ладонь ко лбу:

— Вижу, досужие сплетни цветут пышным цветом даже среди могильного холода.

Се Биань тонко улыбнулся:

— Пока ты существуешь в этом мире, как уберечься от чужих языков?

Люцзинь в который раз подивился пронизательности Белого стража. Тот всегда умел облечь простую истину в изящную форму.

— Моё сердце тянется к чистой луне. Так понятно? — туманно изрек Люцзинь.

— К луне? — Се Биань улыбнулся ещё шире.

— И что тебя так забавит? — насупился судья.

Но страж лишь покачал головой, уходя от прямого ответа:

— Ничего. Пустяки.

За шутливой перебранкой они и не заметили, как вышли к Мосту Беспомощности. На каменных плитах уже толпились безмолвные тени, ожидающие своей участи. Стоит пояснить: души, доставляемые Чёрным и Белым стражами в Дифу, делились на два рода.

К первому принадлежали те, кто ушёл в свой срок — без затаённых обид и несбывшихся чаяний. Такие покорно следовали велению судьбы. Они сами ступали на мост, выпивали Суп забвения из рук матушки Мэн и лишь затем отправлялись во Дворец Яньло, где Владыка Яньгу определял их удел в грядущем перерождении.

Второй же род составляли души, отягощённые невыплаченным долгом, жаждой мести или тяжкими грехами. Этих стражи вели под конвоем. На скрипучих лодках их переправляли через тёмные воды реки Забвения прямоком к судейскому трону Владыки — дабы тот рассудил их по справедливости или низверг в очистительное пламя Восемнадцати слоев ада.

Матушка Мэн, как и всегда, стояла у котла, одетая в грубое рубище. Она безучастно обводила безликую толпу взглядом, а глубокие морщины на лице казались трещинами в древнем камне.

— Ну, наш черёд, — промолвил Се Биань.

Их путь лежал в мир живых, куда Люцзиню хода пока не было. Кивнув на прощание, судья проводил взглядом две размытые фигуры стражей, бесшумно скользнувших мимо толпы у моста и растаявших в густом тумане Дороги Жёлтых источников.

Оставшись один, Люцзинь неторопливо направился к старухе. Вновь прибывшие души испуганно шарахались от него: их призрачные оболочки были ещё слишком тонки и прозрачны, лишены той осязаемой плотности, которой обладали истинные обитатели подземного мира.